

ГУМАННОСТЬ ИЛИ УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КАК ДИЛЕММА
ИСКУССТВА XX-ГО ВЕКА

/Анализ повестей и рассказов Вс. Иванова/

А. Фейер

Идеализм прошедших веков Нового времени, не зная об условиях, делающих относительно предлагаемые им решения, представлял принцип гуманистической универсальности как выводимый из "природы вещей" и из "природы человека" и считал его в конечном итоге непосредственно осуществимым во всех областях жизни. В духе гуманистической программы, провозглашенной в эпоху Ренессанса, стало возможным во-первых считать, что обладающий проблемным сознанием индивидуум является универсальным представителем человечества как целого, а во-вторых, ссылаясь на осмысляющую силу личностного интеллекта, можно было надеяться, что индивидуум, охватывающий всю сумму проблем, в каждом отдельном случае может и склонен соблюдать требования гуманности. В наш век, когда стало очевидным, что принцип гуманистической универсальности не имеет интеллектуальных гарантий и потому универсальность не может быть достигнута за счет личностных усилий, искусство - как и мышление вообще - столкнулось с мучительной дилеммой, и, к сожалению, хотя с точки зрения истории развития мысли и вполне оправданно, оказалось раздвоенным. Перед ощущающим проблематическую разобщенность факторов гуманности и универсальности искусством XX века имелись в сущности две противоположные друг другу возможности: оно могло либо критически принять к сведению создавшееся в истории развития мысли положение вещей, и, отказавшись от задачи реализации гуманистической универсальности, но в то же время показывая полнейший абсурд такого отказа, создавать эстетически совершенные - точные, ясные - формы, либо волюнтаристски не признавать необходимость выбора, заняв такую позицию, когда носитель проблемного сознания непозволительным для интеллекта образом по-прежнему пытается осуществить принцип

гуманистической универсальности и в ущерб художественной форме, требующей точного, аналитического подхода, все же берется за создание значительного с точки зрения истории развития мысли произведения. Критическая или волюнтаристская точка зрения, отдача предпочтения эстетическому или историческому принципу, исключают друг друга и, понятным образом, чаще всего осуществляются в творчестве разных писателей. Всеволод Иванов же относится к числу тех немногих художников, которые стремятся использовать обе возможности, и в создающихся одновременно различных произведениях противопоставляет друг другу критический и волюнтаристский подход. Возможно Вс. Иванов стал бы писателем более крупного формата, если бы, приняв во внимание сложившееся в истории развития мысли положение, он писал бы лишь такие строго оформленные произведения, как "Дите", и, последовательно используя разработанные им в этом рассказе приемы поэтики, воссоздавал бы картину абсурдного мира XX века, но в этом случае ему пришлось бы отказаться от освещения тех проблем, которые не поддавались критическому подходу, но влияние которых в результате произошедшего в XX веке раскола гуманизма было очень ощутительно. Что же касается так называемых "Партизанских рассказов" Иванова /"Цветные ветра", "Партизаны", "Бронепоезд 14-69"/, в которых доминирует волюнтаристская точка зрения, то они, сами по себе, без знания о критической позиции, без ощущения ее близости и ее контраста, то есть без всякого мыслительного напряжения, без критического исследования их бескритичности остались бы пустыми, бессодержательными. Таким образом, мы должны сказать, что эти произведения Вс. Иванова в их скромных пределах делает оригинальными, и, в определенном смысле значительными данный в них охват неразрешимых для интеллекта противоречий мышления XX века.

Творчество Иванова опирается на конвенции реалистически-натуралистической прозы, и хотя новая проблематика XX века нарушает стройность натуралистически-реалистической концепции, все же в конечном итоге в своих "Партизанских повестях" писа-

тель остается в их пределах. В духе конвенций такой прозы обрисованные здесь места действия всегда имеют какую-то социальную значимость, образы, решенные в социальном ключе, всегда являются носителями каких-то интеллектуальных и идейных устремлений, и общественные и мыслительные компоненты авторского изображения в конечном итоге, подчиняясь указанной концепции, служат цели изображения действительности как некоего целого, складывающегося из отдельных элементов. Однако, партизаны Вс. Иванова, занятые в традициях уходящего XIX века поисками ответов на вопросы жизни, встречаются с такими проблемами, которые не оправдывают казавшуюся прежде обладающей универсальной действенностью концепцию, согласно которой общественные явления имеют причинно-следственные отношения, личностно-индивидуальный поиск решений непременно приводит к цели, действительность может быть воспринята как единое целое. Бунтующие ивановские крестьяне - несмотря на применяемые писателем несколько отжитые литературные формы их показа - вполне по-современному не являются носителями никакой понятийно выражаемой социальной программы, никакой способной разумно направлять их поведение идеи. В их взглядах проявляет себя, давая знать о наступлении нового века, о разрушении миропорядка, "доисторичность" неиндивидуализированного крестьянского быта, той формы жизни, которая находится вне цивилизованного общества. Само это явление не есть нечто совсем новое в русской литературе: на него обратил внимание еще Пушкин в "Капитанской дочке". Однако Пушкин, полагаясь на силу гуманистической культуры, если и чувствовал ее пределы, все же не считал нужным переступать их, и в соответствии с этим выбрал в герои не участников Пугачевского бунта, а попавшего к ним молодого дворянина Гринева, сосредоточив все внимание на том, как этому смелому, искреннему и честному молодому человеку удалось в таких исключительных условиях остаться верным принципу гуманистической универсальности. Иванова же, в отличие от Пушкина, несмотря на консерватизм его поэтики, делает писателем именно

XX века то обстоятельство, что его внимание целиком занимает способ мышления, взгляд на вещи крестьян-партизан, та специфическая система представлений, с помощью которой они объясняют самим себе и окружающим свое поведение.

Внеисторичность крестьянской массы, ее чуждость цивилизованному обществу проявляет себя в том, что из-за своей непросвещенности крестьяне просто не знают об исторической программе гуманистической универсальности, которую в европейских обществах нового времени представляет обладающий проблемным сознанием индивидуум. Эти люди не протестуют против обрекающих их на деградацию социальных условий, их не занимает вопрос о том, что путь общественного равноправия для них закрыт, они не хотят подняться, проявить свою индивидуальность, так как они полностью отождествляют себя со слитной крестьянской формой жизни, и, прогнав господ, инстинктивно стремятся превратить такую форму жизни в тотальную. Крестьянина-партизана занимают не его положение, материальная необеспеченность, физические лишения, подчиненность стихийным силам, - все это человек, не затронутый запросом индивидуализации, не стремящийся освободить свою личность, считает относящимся к самому порядку вещей. Его заставляет поднять оружие нечто другое: он хочет уничтожить само существование господ - существование для него непонятное и с его точки зрения действительно необъяснимое, но ввиду разрушения миропорядка, ввиду отказа от авторитетов все же ставшее для него проблемой - существование, кажущееся совершенно чуждым его человечности и в своей отчужденности представляющееся бесчеловечно отрицающим его человечность, то есть он хочет уничтожить само невыносимое искажение универсальности. Восставших крестьян ведет не просто ненависть, месть, жажда возмездия за выстраданные обиды, а убеждение, приказывающее соблюдать универсальность, старинная, средневековая, но несмотря на свою архаичность и односторонность все же требующая актуализации, наивная "крестьянская вера" /"Бронепоезд 14-69"/. Гарантией искренности, добрых намерений крестьян-красноармейцев служит то, что они вовсе не подозрева-

ют об односторонности своей веры, о возможном конфликте между гуманностью и универсальностью. Восстав во имя универсальности, они не провозглашают безжалостность, так как, не имея самостоятельного проблемного сознания, и не предполагают, что они придут в столкновение с гуманностью, или не подозревают, что, защищая свою веру, они могут быть сами лично ответственными за преступление закона. Правда, неисчислимы человеческие жертвы, жестокие и причудливые формы убийства, превышающие человеческое воображение, потрясают каждого человека, даже и не имеющего запросов, научившегося приспособляться к жестоким испытаниям жизни, крестьянина, но сама сущность нерасчлененной крестьянской формы жизни и полное отвержение пути, ведущего к выходу из нее, к самостоятельности, к индивидуализации, служат верным залогом отвода всяких конфликтов. "Чего народу жалеть? Новой вырастет"¹.

Основой и символом закрытой крестьянской формы жизни, способной беспроблемно объединить гуманность и универсальность, служит земля. Внутри этой формы жизни гораздо важнее отдельного человека те, кто с ней неразрывно связан, те, кто по сравнению с ней не получают самостоятельной роли, те, кто по своей зависимости считаются как бы вышедшими из земли, превращаются почти в вегетативные существа. Лишь жертвенная смерть за землю, за крестьянскую форму жизни, во имя "крестьянской веры" может выделить человека из безразлично-безымянного существования. Жертвующий собой солдат, который "великую свою душу хочет показать", уйдет в рай; он "за крестьянскую веру пострадал"². За счет полной самоотдачи героический жест, выявляющий величие души, свидетельствует о правде крестьянского восстания без того, чтобы вобрать в себя какое-либо духовное содержание, и тем самым вовлечь своего носителя в конфликт с крестьянской формой жизни, сделать его представителем индивидуальной проблематики.

Стихийное крестьянское восстание невозможно подавить. Напрасно борются против него в отчаянии истерически ненавидящие "быдло" офицеры, не понимающие самоотверженный порыв партизан казаки, солдаты. Тайна успеха партизанского движения в

том, что в начале XX века уже нет возможности для соединения гуманности и универсальности, символом которого в пушкинском романе является образ Гринева. Однако этот успех становится скорее проблемой, чем решением, центральной проблемой нашего столетия, которая дает почувствовать историческое значение событий. Весь жизненный материал, охваченный Ивановым, ставит вопрос о том, какие же формы примет в будущем европейская культура, как осуществится выдвинутая еще в эпоху Ренессанса программа гуманистической универсальности, если в области истории мысли возможности индивидуума, оперирующего интеллектуальными средствами, уже явно исчерпаны.

Хотя и в анализируемых здесь рассказах, равно как и в других художественных произведениях эпохи, кое-где появляется стилизация крестьянских масс под какую-то варварскую, почти природную, древнюю силу, все же представление, согласно которому в их жизни следует видеть под традиционными европейскими ценностями некий архаический, примитивный, доисторический способ существования как последнюю человеческую реальность, а в них самих - представителей исходного положения человека, которое должно быть просто принято к сведению, кажется нам неверным, и в этом смысле такой прием стилизации не может быть принят как общий объясняющий принцип, с помощью которого можно интерпретировать произведение. Изображая крестьянское бытие или действительность крестьянского восстания, Иванов во все не стремится дать модель, которой нужно следовать; здесь нет и речи о том, что своим неожиданным появлением именно крестьянские массы означают проблему для сознательных, интеллектуальных носителей культурных ценностей, для индивидуума, потерявшего свою историческую роль. Речь идет о том, что их существование вне цивилизации совершенно очевидно само таит в себе серьезные человеческие проблемы. Несмотря на имеющиеся относительную действенность приемы стилизации, можно ясно почувствовать, что крестьянские массы в определенном более широком, чем это предлагают сегодняшние концепции цивилизации,

смысле являются составляющими европейской культуры, что несмотря на их бессознательность и они находятся внутри поля действия принципа гуманистической универсальности и в том случае, если они и не принимали никакого участия в осуществлении провозглашенной Ренессансом программы индивидуализации и потому в прошлом не заботились о соблюдении этого принципа, а теперь не способны интеллектуально взвесить создавшееся кризисное положение. Парадоксальным образом в этот поворотный момент эпохи они получают историческую роль, принимают участие в сдвиге в истории развития мысли именно за счет того, что в то время, когда на опыте начинает ощущаться конфликт между гуманностью и универсальностью, они, не чувствуя проблемы, но будучи заинтересованными в соблюдении самого принципа, принуждают к соблюдению универсальности, то есть своим выступлением свидетельствуют о необходимости перевода принципа гуманистической универсальности на новые основы. Ведь хотя и надо признать, что волюнтаристское поведение само по себе не может дать приемлемых решений, но и с помощью одного только спокойного интеллектуального взвешивания и в прошлом невозможно было сохранить динамизм процесса истории развития мысли.

Потрясающий катастрофизм крестьянского восстания не могут по-настоящему пережить и оценить ввиду отсутствия проблемного сознания его участники, не жалеющие с какой-то фаталистической отчаянностью ни своей жизни, ни жизни своих товарищей, ни жизни своих врагов партизаны. Но потрясающая проблематичность самого явления, скрытая в этой неудержимой отчаянности, безусловно присутствует в каждой жизненной ситуации. Стремясь выявить эту проблематичность, стремясь к интеллектуальной проясненности, Иванов рисует в "Цветных ветрах" такого героя, который несмотря на свое крестьянское происхождение и образ жизни все же вступает на путь индивидуализации. Калистрат Ефимич хочет самостоятельно решать вопросы жизни и потому пытается найти для себя какую-то особую, свою веру, но самостоятельность своего проблемного сознания он проявляет с еще большей полнотой, когда сознается перед самим собой в том,

что его спиритуальный поиск закончился ничем, и несмотря на противоборство окружающих, своей семьи, с найденной им в старости любимой женщиной уходит к партизанам. Как когда-то Пьер Безухов, герой верит, что радикальное изменение условий его жизни поможет ему найти ответы на все интеллектуальные вопросы. На самом же деле происходит совсем иное: попавший к партизанам Калистрат Ефимыч именно здесь сталкивается с действительно серьезной, воистину неразрешимой проблемой. Эта проблема состоит в том, что знакомый с реальностью крестьянского быта и своим уходом к партизанам показавший, что он теперь - в гармонии со страстными интеллектуальными поисками - программно принимает его, герой переживает духовную пустоту, совершенную идейную безвыходность как своих поисков, так и волюнтаристского крестьянского движения. Напрасно умирают за землю ставшие солдатами крестьяне, показывающие величие своей души; Калистрат Ефимыч, который ищет духовного решения, который взвешивает объективную силу чувственных порывов, знает, что путь победного восстания - это дорога в никуда. "Как же это так?... Почто?... Чево мне в них-та? Чево?"³ - растерянно задает он себе вопросы. "Пришло время - надо убивать пошто-то. А пошто - не знаю..."⁴ - говорит он тоскливо, как бы навсегда отказываясь от надежды получить ответы на свои вопросы. Если бы герой и дальше критически анализировал ограниченность интеллектуальных возможностей, состояние невозможности проникнуть в смысл бытия и вытекающую из этого трагическую обреченность человека на смерть, он по всей вероятности пришел бы к экзистенциальной проблематике, но вместо этого герой, теперь уже как выразитель восстания крестьян, принуждающего к осуществлению универсальности, сливаясь с его действительностью, сознательно отказывается от запроса интеллектуального взвешивания проблем и становится волюнтаристом. "Ну и ладно," - говорит он, не получив никакого ответа на свои прежние вопросы, и когда один из восставших жалуется: "Прилепили меня к восстанью, а чево я там маюсь?" - он отвечает: "Свое место найдешь".⁵ Определение своего места в мире и сохранение духовного самоуважения, настоящей человечности, универсальность и гу-

манность в XX веке катастрофически разделены: при данном состоянии проблем в истории развития мысли тот, кто пытается сохранить духовное достоинство, в конечном итоге отказывается от универсальности, кто же хочет остаться на позициях универсальности, должен отказаться от сохранения духовного достоинства. Когда Иванов, желая непременно представлять точку зрения универсальности, лирически отождествляется со своим героем, он отождествляет волюнтаристский менталитет со своей авторской позицией, и таким образом художественное изображение во многом теряет свою достоверность, превращается в преувеличенное, схематическое. В разделенном мире личностному лиризму, подсказывающему возможность интеллектуально воспринять единство этого мира, не может быть места, желание непереносимого личностного отождествления здесь заранее бессмысленно.

Перед героем "Цветных ветров" открывается идейная опустошенность партизанской войны потому, что он приходит к партизанам, движимый поиском решения своих духовных проблем, но в то же время изображение становится схематичным именно потому, что писатель, следуя конвенциям поэтики XIX века, ставит спиритуальный поиск жизненного пути во главу угла произведения. При таких условиях Иванову, сосредоточенному на самом феномене крестьянского восстания, утверждающему его значимость с точки зрения истории развития мысли, приходится затуманивать характерный для восстания, но невыносимый для личностного проблемного сознания факт его безыдейности лирическими отсылками к какому-то решению, которое, еще не известно как, но непременно будет найдено. Композиционное решение рассказа "Дите" можно расценивать как выход из этого мучительного тупика. Если в анализируемых выше произведениях, показывающих относительность действительности идей, вполне современная, вполне относящаяся к XX веку проблематика была представлена в традиционных формах, то здесь и сама форма, сама система поэтических приемов становится подчеркнуто современной. Суть новаторства поэтики этого рассказа кроется в том, что Иванов здесь превращает в формообразующий принцип интеллектуальное

признание, сделанное уже в "Партизанских повестях", - радикальную безыдейность жизненных фактов. В соответствии с этим поворотом в поэтике на место реалистически-натураллистической концепции действительности, рассматривающей идейные устремления, лирические качества и факты жизни как нечто однородное, приходит изображение резко противопоставленной интеллектуально-оценивающей сфере, не имеющей с ней никаких соприкосновений, в принципе отделенной от нее сферы "быта", как ее называли тогдашние критики, или сферы практики, как ее следует назвать, соблюдая требования теоретического обобщения. Крестьянское восстание, локальное по сравнению с целым общественным движением, периферическое по сравнению со всей полнотой проблем в истории развития мысли, становится монументальным за счет того, что оно, выходя за узкие тематические рамки, осмысливается как феномен, выражающий интеллектуально неразрешимое противоречие между сферой идеи и сферой практики, характерный для XX века раскол внутри принципа гуманистической универсальности, как феномен, воплощающий безличную картину мира. Речь идет больше не о том, что отдельные люди, ищущие решения своих духовных проблем, или общественные классы, стремящиеся добиться удовлетворяющего их социального положения, здесь и теперь достигают того, что в духе программы гуманистической универсальности им причитается, а о том, что при отсутствии интеллектуальных гарантий выполнения этой программы - независимо от того, верим мы в нее, или нет, считаем мы ее обязательной для себя, или нет - нужно признать наряду с идеями, в противовес идеям, но как условие действия принципа гуманистической универсальности, реальность варварства, бесчеловечности, власть не знающей об идейных запросах практики. Не представляющие идеи, не знающие о проблематичном принципе гуманистической универсальности, но в переломную эпоху в истории развития мысли вышедшие из своего внеисторического, внецивилизованного существования восставшие крестьяне, которые своим выступлением требуют от идей, не имеющих возмож-

ности по-прежнему выполнять свое задание, универсальности, в пошатнувшемся мире становятся медиумами практики. Следуя природе поставленной им проблемы, Иванов в противовес своим "Партизанским повестям" отказывается от драматизации конфликта между душой и практикой. Персонажи рассказа "Дите" не лучше и не хуже героев "Партизанских рассказов"; писатель в соответствии с проявляющимся здесь взглядом на вещи лишь хочет дать почувствовать потрясающую ограниченность личностно-индивидуальных возможностей своих героев. Если в тех произведениях доминировал гамлетовский конфликт "убить или не убить", не отвечающий ни персонажам, ни ситуациям, то здесь гротескным образом любовь к ребенку становится источником новых ужасов. Здесь речь идет не о том, что персонажи отказываются от обязанности дать отчет перед своей совестью, подчиняясь принуждению обстоятельств, а о том, что у человека, захваченного потоком практики, без того, чтобы он об этом знал, чувственно-душевный механизм отрывается от твердой почвы нравственности, составляющей основу человечности. Исключенные из замкнутого деревенского общества, из рамок традиционной крестьянской формы жизни, люди напрасно стремятся придерживаться тех ценностных представлений, которые для них непосредственно даны; в открытом мире, который пришел на смену старому после отвержения внешних авторитетов, составлявших основу крестьянской формы жизни, они не могут ориентироваться.

Отказ от отжитых конвенций, принятие видения открытого мира приводит к единству поэтического оформления, к выработке функционального ансамбля из отдельных художественных приемов. Орнаментальные элементы, расшатывающие эпический порядок рассказа - эта характерная особенность ивановского стиля - в конечном итоге остаются теми же, что и были, но они становятся не средствами выражения ищущего развертывания лирико-драматического по своему характеру оценивающего взгляда на вещи, а средствами выражения определенного бесстрастного, безличного, интеллектуального организующего принципа. Лиризм и драматизм орнаментальных элементов несмотря на такую перестройку структуры не уменьшается, так как и здесь они каким-то точно не определимым образом отражают ожидания, сомнения, томления персона-

жей, и сами персонажи и здесь не менее, чем прежде, способны быть носителями субъективно-драматических качеств. И все же безусловное и существенное различие заключается в том, что организующий рассказ безличный принцип, не оспаривая возможностей какой-либо лирико-драматической концепции, понижает в ранге роль лирико-драматических элементов, так как, лишая их права на оценку, оставляет это право за собой. Бесстрастная, объективная оценка персонажей и жизненных ситуаций известна и повествованию XIX века, и ее применение, например, у Флобера, говорит о чувственно-душевном опустошении человека, о том, что он не в состоянии пользоваться личностными возможностями. Но как бы жестко ни осуждало это безличное повествование духовно и чувственно опустошенного индивидуума, оно все же не посягает на сам статус индивидуума, на индивидуалистический принцип, и продолжает считать индивидуум залогом гуманности, ведь и само разоблачение дается с позиции индивидуума. Разработанный же в рассказе "Дите" безличный композиционный принцип в соответствии с русской традицией, и непосредственно примыкая к чеховским решениям, осуждает не спад душевно-чувственных способностей, а показывает недостаточность самой индивидуальности. Он выводит за рамки индивидуума, за рамки абсолютизирующего его личностно-интеллектуальную роль закрытого представления о мире /свидетельствуя о новом, характерном для XX века подходе к проблеме/ за счет того, что показывает отсутствие индивидуальности, погружение человека в сферу практики, порывая с чеховской иллюзией, как такую проблему, которая не может быть разрешена интеллектуальными средствами, аналитическим, критическим путем.

Условием, позволяющим Иванову занять такую позицию, разработать на чувственных основах безличный композиционный принцип, является принятие им открытого, безличного представления о мире, то признание, согласно которому безличное чувство тоже играет существенную роль в обосновании человеческого феномена, и потому мы не можем видеть, как это предсказывалось в русской литературе XIX века, в личной любви, как в некоей особой

человеческой способности, ключ к решению гуманных проблем. Признание человеческой значимости безличного чувства, признание бесцельности такого мышления, которое ставит все проблемы исключительно в моральном ракурсе, позволяет при сохранении такого повествования, которое отражает чувства и настроения персонажей, не отождествляться с этими чувствами и настроениями. Эта организующая деятельность писателя, безличный принцип, организующий субъективные качества, затем дают возможность читателю, возмещая интеллектуальную ограниченность персонажей, своими суждениями отметить деформацию человечности среди изображенных фигур, не отрицая общую опасность подчиненности практике.

Однако за совершенную поэтическую решенность, за целостность функциональных мотивов приходится платить тем, что побуждаемое опытом интеллектуальной неосуществимости принципа гуманистической универсальности и по-прежнему считающее роль интеллекта абсолютной мышление оказывается вынужденным отказаться от личностного представительства этого принципа. Избегающее волюнтаризма, отказавшееся от представительства принципа гуманистической универсальности, критическое, уважающее форму, эстетически направленное поведение ввиду разделенности мира может быть двух видов. Одна возможность заключается в том, что внимание сосредоточивается на прежде признававшемся имеющим универсальное значение индивидууме, на идеальных ценностях, на личностном интеллекте, на сфере идей, и выбор гуманности проливает свет на интеллектуально необъяснимую, и ввиду необъяснимости гротескную, абсурдную ограниченность по-прежнему сохраняющих человеческое значение, но теряющих универсальную значимость ценностей, как мы это видим в произведениях Пруста, Джойса и у выдающихся русских лириков эпохи - Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой, Пастернака, а также и в прозе последнего. С другой стороны, критическое уважение к форме может проявляться в стремлении показать противостоящую идеям, идеальным ценностям, но в то же время каким-то образом относящуюся к полноте бытия, к человеческому феномену в целом, сферу практики /выбрав по принуждению не гуманность, а универ-

сальность/ во всей ее, соответствующей разделенности картины мира, неприемлемости и неподвижности, как это делает вместе с большинством русских писателей-прозаиков эпохи, создающих эстетически-ценные произведения, и Иванов в рассказе "Дите". Как это следует из анализа рассказа, эта последняя позиция, показывая власть практики как некую тотальность, не считается с существованием и действительностью /хотя бы с ограниченной/ идеальных ценностей. Этим объясняется то, что волюнтаристская позиция, приверженная без всякого умственного взвешивания принципу гуманистической универсальности, оперирующая отжившими шаблонами закрытого представления о мире, в творчестве Иванова и после того, как им было найдено такое поэтическое решение, которое несло в себе видение, характерное для открытого представления о мире, сохранила свою актуальность.